
САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И АФОРИЗМЫ АДАМА СМИТА

*Невозможно избежать
только двух вещей — смерти и налогов.*

*Великие нации никогда не беднеют
из-за расточительности и неблагоразумия
частных лиц, но они нередко беднеют в результате
расточительности и неблагоразумия
государственной власти.*

*Величайший прогресс в развитии производительной
силы труда и значительная доля искусства,
умения и сообразительности, с каким он
направляется и прилагается, явились, по-видимому,
следствием разделения труда.*

*Заблуждения, содержащие
некоторую долю правды, — самые опасные.*

*Люди пустые и малодушные нередко обнаруживают
перед своими подчиненными и перед теми,
кто не смеет выказать им сопротивления, припадки
гнева и страсти и воображают, что выказали этим
свое мужество.*

САМЫЕ ЗНАМЕНИТЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ И АФОРИЗМЫ АДАМА СМИТА

Слово «ценность» имеет два различных значения: иногда оно означает полезность данного предмета, а иногда возможность для лица, обладающего им, купить на него другие предметы. Первую можно назвать потребительской ценностью, а вторую — ценностью меновой.

Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица.

Установление совершенного правосудия, совершенной свободы и совершенного равенства — вот тот совсем простой секрет, который наиболее действенным образом обеспечивает наивысшее преуспевание всех классов.

Чтобы научить людей любить справедливость, надо показать им результаты несправедливости.

О РАЗДЕЛЕНИИ ТРУДА

•

*Самые значительные улучшения
производительной силы труда
и наибольшая часть искусства,
ловкости и ума, которыми он
управляется или применяется
к делу, обязаны, разделению труда.*

•

Чтобы составить себе наглядным образом понятие о том, какое влияние имеет разделение труда на общую промышленность народа, достаточно только обратить внимание на последствия применения этого разделения в каком-нибудь отдельном производстве. Обыкновенно предполагают, что разделение труда доведено до крайней степени на некоторых мануфактурах, где выделяются предметы самой малой ценности. В действительности оно, может быть, и не идет там так далеко, как на некоторых более крупных фабриках, но дело в том, что на мануфактурах, где производятся мелкие предметы, требуемые обыкновенно небольшим числом потребителей, общее число рабочих на них бывает не велико и притом те из них, которые заняты в отдельных отраслях одного и того же производства, часто могут помещаться в одной мастерской и находиться вместе в одно время перед глазами наблюдателя.

Напротив, на больших фабриках, приготовляющих предметы потребления для большой массы народа, каждая отдельная часть работы занимает так много рабочих, что невозможно бывает собрать их всех вместе в одной мастерской.

На таких обширных фабриках можно видеть вместе только таких рабочих, которые делают какое-нибудь одно дело. Хотя на таких фабриках работа в действительности и разделена на гораздо большее число отдельных частей, чем на мануфактурах, однако там это разделение менее заметно, а потому оно и меньше обращало на себя внимание.

Возьмем для примера самое незначительное производство, на котором, однако, разделение труда часто очень заметно, а именно — производство булавок.

Рабочий, который не приловчился к этому производству, сделавшемуся, вследствие разделения труда, особым ремеслом, и не привык обращаться с употребляющимися в нем инструментами, изобретенными, вероятно, благодаря тому же разделению труда, — такой рабочий, как бы он ни был ловок, не успеет изготовить в течение целого дня даже одной булавки и уж, конечно, не сделает их двадцать.

Но при том устройстве, какое имеет теперь это производство, оно не только во всей своей совокупности составляет отдельное ремесло, но еще подразделяется на много отраслей, большая часть которых, в свою очередь, является отдельным ремеслом. Один рабочий *тянет проволоку*, другой *выравнивает* ее, третий *обрезает*, четвертый *заостряет*, пятый только *обтачивает* конец для насадки головки. Эта головка сама по себе служит предметом двух или трех отдельных операций: одно дело — *выбить* головку; другое — *вычистить* булавку; совсем особое, самостоятельное занятие — *проколоть* бумажки и насадить на них булавки. Вообще, важный труд по изготовлению булавок делится приблизительно на 18 различных операций, которые в некоторых заведениях исполняются таким же числом разных рабочих, хотя в других один рабочий исполняет по две или по три операции зараз.

Я видел одну такую маленькую мануфактуру; на ней работало только 10 рабочих и потому некоторые из них исполняли по две и по три операции зараз. Хотя эта мануфактура была очень бедна и потому дурно снабжена машинами и инструментами, однако и эти 10 рабочих, если они горячо принимались за дело, успевали изготовить около 12 фунтов булавок в день. А так как в каждом фунте полагается более 4000 булавок средней величины, то, стало быть, эти 10 рабочих успевали изготовить вместе более 48 000 булавок в день, и на каждого рабочего, приготавливавшего только десятую часть этого товара, приходилось в день 4800 булавок. Но если бы эти рабочие трудились в одиночку и независимо один от другого и если бы они не приловчились к своему делу, то, конечно, ни один из них не изготовил бы и 20 булавок, а может быть, и одной булавки за весь рабочий день. Другими словами: они, наверно, не сделали бы $\frac{1}{240}$, а пожалуй и $\frac{1}{4800}$ части того, что теперь они могут сделать благодаря искусному распределению и сочетанию различных операций в этом производстве.

Во всяком другом производстве, на всякой другой мануфактуре последствия разделения труда — те же, какие мы сейчас видели в булавочном производстве, хотя вообще в большей части других производств труд рабочего не может быть до такой степени разбит на отдельные и такие простые операции.

Тем не менее в каждом производстве наибольшее разделение труда, какое только возможно, вызывает в соответствующей мере усиление производительности труда. Эта-то выгода, кажется, и вызвала разделение различных занятий и ремесел.

С другой стороны, такое разделение работ вообще бывает сильнее в тех странах, которые достигли наибольшей степени развития.

•
*Что в обществе еще грубом
составляет работу одного
человека, то в обществе более
развитом распределяется между
многими рабочими.*
•

В каждом развитом обществе фермер всегда остается фермером, фабрикат — фабрикантом. Труд, необходимый для окончательного производства какого-нибудь мануфактурного предмета, также почти всегда распределяется между большим числом рук.

Правда, земледелие, по самой природе своей, не допускает ни такого большого подразделения труда, ни такого полного расчленения отдельных работ, как мануфактуры. Такое большое увеличение в количестве работ, которое, вследствие разделения труда, может быть исполнено одним и тем же числом рабочих, зависит от трех различных причин: во-первых, от развития личной ловкости каждого рабочего; во-вторых, от сбережения времени, которое обыкновенно тратится на переход от одной работы к другой, и в-третьих, наконец, от изобретения большого числа машин, облегчающих и сокращающих труд и позволяющих одному человеку исполнять работу нескольких.

Но ошибочно было бы думать, что все открытия по усовершенствованию машин и других орудий производства сделаны только людьми, лично приставленными к ним. Большая часть их создана искусством строителей машин с тех пор, как изготовление их составило предмет особой промышленности, а некоторые из них изобретены так называемыми *учеными* или *теоретиками*, назначение которых не в том, чтобы самим

работать на них, а в том, чтобы наблюдать, как они работают, и которые поэтому могут комбинировать наиболее отдаленные друг от друга и наименее сходные между собой силы.

•

*В развитом обществе
умственная и отвлеченная
деятельность, как и всякая
другая, становится главным
или даже единственным
занятием особого класса граждан.*

•

Это специальное занятие, как и всякое другое, в свою очередь, также распадается на множество других отраслей, из которых каждой занимается особый класс ученых, и такое подразделение труда в науках, как и во всяком другом занятии, способствует усилению ловкости и сбережению времени. Каждый человек приобретает гораздо более опытности и сноровки в той особой специальности, которую он избрал, причем труд становится более совершенным, а сумма знаний значительно увеличивается.

Это огромное умножение произведений всевозможных искусств и ремесел, происходящее от разделения труда, вызывает в обществе, хорошо управляемом, общее благосостояние, проникающее в самые низшие слои народа. У каждого рабочего остается большое количество труда, которым он вполне может располагать сверх того, что он употребляет на удовлетворение собственных потребностей, а так как и другие рабочие находятся в таком же положении, то и является возможность взаимного обмена большого количества продуктов, составляющих избыток этого труда. Один рабочий может обильно снабдить других рабочих тем, что им нужно,

и, в свою очередь, получить от них то, в чем он сам нуждается, вследствие чего и развивается общее благосостояние во всех классах общества.

Присмотритесь, из чего в стране образованной и развивающейся состоит движимое имущество простого поденщика или последнего чернорабочего, и вы увидите, что невозможно даже пересчитать людей, которые своим трудом содействовали снабжению его какой-нибудь частью этого имущества. Шерстяная куртка, например, которую носит поденщик, как бы она ни была груба, есть продукт совокупного труда несчетного множества рабочих. Пастух, сортировщик, чесальщик шерсти, красильщик, прядильщик, ткач, ворсировщик, гладильщик и прочие — все они участвовали в производстве и отделке этого грубого предмета. А сколько, сверх того, торговцев и возчиков были заняты доставкой материалов для всех этих рабочих, живущих часто в отдаленных друг от друга местах! Сколько движения в торговле, на водных путях сообщения! А сколько людей было занято постройкой судов, приготовлением парусов и снастей, матросов, чтобы только перевезти разные снадобья, нужные для красильщика, часто с отдаленнейших концов света! Сколько также разнообразного труда для приготовления инструментов, нужных этим рабочим!

Не будем говорить о таких наиболее сложных машинах, как купеческий корабль, валяльная мельница или ткацкий станок, но подумайте только о том, какой массы труда требует один из простейших снарядов — хотя бы ножницы, которыми пастух стрижет овец. Нужно, чтобы рудокоп; строитель горна, в котором плавилась руда; дровосек, валивший строевой лес; угольщик, доставивший уголь для горна; кирпичник, каменщик; рабочие, сложившие кузнечный горн или мельницу, кузнец, ножовщик и прочие, — нужно, чтобы все они соединились вместе и совокупным трудом содействовали производству этого нехитрого снаряда.

Если рассмотреть точно так же другие части одежды того же рабочего или каждую утварь его домашнего хозяйства; грубую полотняную рубашку, которую он носит, башмаки, которые надевает на ноги; постель, на которой спит, и все различные части ее в отдельности; решетку, на которой варит себе пищу; употребляемый им при этом каменный уголь, добываемый из недр земли и привозимый издалека водой или сухим путем, а равно все другие принадлежности кухни и стола: его ножи и вилки, глиняные или оловянные тарелки, на которых он ест и режет пищу; разнообразные труды, употребленные на приготовление ему хлеба и пива, стекол в рамках, доставляющих ему и теплоту и свет и защищающих его от ветра и дождя; искусство и знание, необходимые для приготовления такого счастливого и великолепного изобретения, без которого едва возможно было бы жить в нашем северном климате.

Если представить себе многочисленные орудия, необходимые для рабочих, занимающихся производством столь разнообразных удобств жизни; если в подробности рассмотреть все эти предметы и сообразить, какое множество разнообразных работ требуется для производства каждого из них, то поймешь, что в образованной стране без помощи и содействия многих тысяч рабочих ни один самый последний бедняк не мог бы одеться и обзавестись самыми незатейливыми предметами хозяйства, которые так несправедливо признаются слишком простыми и обыкновенными.

Правда, его обстановка покажется чрезвычайно простой и обыкновенной, если сравнить ее с чрезвычайной роскошью большого барина. Однако между обстановкой какого-нибудь европейского государя и трудолюбивого, домовитого крестьянина не окажется, может быть, такой разницы, как между обстановкой этого последнего и какого-нибудь африканского государя, властвующего над десятком тысяч нагих дикарей и безусловно располагающего их свободой и самой жизнью.

О ПРИНЦИПЕ, ВЫЗЫВАЮЩЕМ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

На разделение труда, доставляющее так много выгод, не должно смотреть как на следствие человеческой мудрости, сумевшей вперед предусмотреть и создать общее благосостояние, которое было его результатом.

Оно есть необходимое, хотя медленно и постепенно развивающееся последствие определенного, врожденного всем людям стремления, побуждающего их к торгу, к взаимному обмену одного предмета на другой, без всякого предвзятого расчета относительно ожидаемой от того выгоды.

В задачу нашего исследования не входит рассмотрение вопроса о том, составляет ли это стремление одно из самых первоначальных свойств человеческой природы, в котором нельзя отдать себе никакого отчета, или же, что кажется более правдоподобным, оно есть естественное последствие разума и дара слова. Оно присуще всем людям, но оно не замечается ни у одного из животных, которым подобные отношения, как и многие другие, остаются совершенно неизвестными.

Никому, конечно, никогда не случалось видеть, чтобы собака сознательно менялась костью с другой собакой. Никому никогда не случалось видеть или слышать, чтобы собака подавала свой голос или объясняла жестами другой собаке: *«Это, мол, мое, а вот это — твое; я отдам тебе одно в обмен на другое»*. Когда животное хочет получить что-нибудь от другого животного или человека, оно не знает другого средства, как подластиться к тому, в ком оно нуждается. Щенок ласкается

к своей матери, а собака, присутствующая при обеде своего хозяина, старается всевозможными способами обратить на себя его внимание и получить от него что-нибудь поесть.

Точно так же поступает иногда и человек со своими ближними: если он не имеет другого средства заставить их сделать то, что ему хочется, он старается приобрести их расположение лестью и раболепством. Но у него не всегда есть время пользоваться таким способом: в образованном обществе он ежеминутно нуждается в помощи и содействии множества людей, тогда как всей его жизни недостало бы, может быть, на то, чтобы приобрести дружбу нескольких человек.

С другой стороны, всякое животное любой породы, достигнув вполне зрелого возраста, становится совершенно независимым и, пока остается в своем естественном состоянии, может обходиться без всякой помощи со стороны подобного ему живого существа.

•
*Человек почти всегда нуждается
в помощи своих ближних,
но напрасно он стал бы надеяться
только на их доброе к себе
расположение.*
•

Гораздо вернее достигает он своей цели, если обращается к их личному интересу и умеет убедить их, что их собственная выгода заставляет их поступить именно так, как ему хочется, чтобы они поступили. Так именно и поступает человек, предлагающий другому чем-нибудь обменяться с ним; весь смысл его предложения таков: *дайте мне то, что мне нужно, а вы получите от меня то, что вам самим нужно.* Таким именно способом и приобретается большая часть услуг, которые нам нужны.

•

*Не от доброго же расположения
к нам мясника, продавца
пива и хлебника надеемся мы
получить то, что нам нужно
для обеда, но от их заботливости
об их собственных интересах.*

•

В этом случае мы обращаемся не к человеколюбию их, а к эгоизму, и при этом еще толкуем им, конечно, не о своих нуждах, а об их собственных выгодах.

Как посредством договора, мены, купли приобретается большая часть взаимно необходимых нам услуг, так то же стремление к обмену вызвало первоначальное разделение труда.

Так, если среди какого-нибудь охотничьего или пастушьего племени явится человек, умеющий изготавливать луки и стрелы так быстро и искусно, как никто из его соплеменников, то он легко обменяет это оружие на мясо и дичь и скоро поймет, что этим способом он может приобрести больше мяса и дичи, чем если бы сам ходил на охоту. Таким образом, вследствие простого расчета, он делает из приготовления луков и стрел свое специальное занятие — и вот готов своего рода оружейник.

Таким образом, уверенность каждого человека в возможности променять произведения своего труда, составляющие излишек его потребления, на такой же излишек произведений других людей, в которых он нуждается, побуждает его посвятить себя какому-нибудь отдельному занятию и развить в себе способности, необходимые для такого труда.

В действительности различие врожденных талантов у людей совсем не так велико, как мы воображаем себе, и различные способности, которыми они, достигнув зрелого возраста, отличаются по своим занятиям составляют в большинстве случаев не столько причину, сколько последствие разделения труда.

•

*Различие между людьми,
посвятившими себя самым
противоположным занятиям,
как, например, между философом
и простым носильщиком, зависит
гораздо менее от их натуры,
чем от привычек и воспитания.*

•

В первые шесть или восемь лет своего возраста, когда оба они находились еще на пороге жизни, сходство их было, может быть, так велико, что родители их и товарищи, пожалуй, и не находили между ними заметного различия. Около же этого возраста или вскоре после него их стали употреблять на совершенно различные работы, и вот с этих именно пор возникает между ними несходство, которое постепенно увеличивается до того, что теперь тщеславие философа едва признает малейшую черту сходства его с простым носильщиком.

Но если бы люди не обладали стремлением к взаимному обмену, торгу, то каждый из них был бы принужден сам добывать себе все, что ему необходимо и удобно для жизни. Каждому поневоле пришлось бы тогда делать все то же самое и исполнять все то же самое, что делают и исполняют другие, и, конечно, тогда не было бы такого большого различия в занятиях, которое одно может вызвать и большое различие в личных способностях.